

История создания романа Ш.Й. Агнона «Путник, зашедший переночевать»,¹ и его герой

*Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей.
Е. Баратынский*

Израильский лауреат Нобелевской премии по литературе Шмуэль-Йосеф Агнон (1888–1970) родился и первые двадцать лет своей жизни прожил в Восточной Галиции, в городе Бучаче. В 1908 году он, движимый сионистскими идеалами, приехал в Палестину и поселился в еврейском квартале Яффы. Там начался его путь писателя на иврите. Слог и тематика Агнона, а также насыщенность его прозы реминисценциями из еврейских религиозных книг сразу выделили его на фоне ивритских литераторов того времени. Агнона заметили и превознесли, хотя кому-то его творческий метод казался не соответствующим духу времени.

Как бы то ни было, в 1913 году Агнон уехал из Палестины в Германию, где поначалу намеревался пополнить свое образование. В Германии он познакомился с кругом еврейских интеллектуалов – Мартином Бубером, Гершомом Шоломом, Эрихом Фроммом и его первой женой Фридой Райхман, кстати двоюродной сестрой будущей жены Агнона Эстер Маркс, и произвел на них сильное впечатление познаниями в еврейских книгах, фольклоре и обычаях. Агнон продолжал писать на иврите и много читал, занимаясь самообразованием. Тем временем его начали переводить и публиковать на немецком, поскольку еврейская интеллигенция в Германии уже не знала своего древнего языка. Так к Агнону пришла известность. Он свел близкое знакомство с бизнесменом Шломо-Залманом Шокеном, польским евреем, создавшим в Германии первую сеть универсальных магазинов. Помимо бизнеса, Шокен увлекался собирательством редких еврейских книг и инкунабул, а также первых изданий немецкой классики. Он финансировал многие исследовательские проекты в сфере еврейской гуманитарной науки и основал собственное книгоиздательство. Ш.-З. Шокен заключил с Агноном пожизненный договор (он будет окончательно оформлен позднее), согласно которому Шокен будет выплачивать Агнону ежемесячное жалованье, а тот будет писать, но все права на публикацию его произведений будут принадлежать «Издательству Шокена». Благодаря этому договору Агнон получил максимально благоприятные условия для творчества и духовного роста.

В 1924 году Агнон вернулся в Палестину, с тем чтобы более не покидать ее без веских причин и только на срок, к которому его вынуждают обстоятельства. Он поселился в Иерусалиме с женой и двумя детьми, родившимися в Германии, сыном Шаломом Мордехаем, впоследствии взявшим как имя свое домашнее прозвище

¹ Такое название дали роману *Oreax nata lalun* его переводчики Р. Нудельман и А. Фурман, чей перевод вышел в издательстве Книжники. Они же любезно предоставили мне необходимые цитаты в своем переводе. В целом я перевода не читала и судить о нем не могу. В ряде предыдущих публикаций на русском языке этот роман называется «Гость на одну ночь».

Хемдат, и дочерью Эмуной, которую писатель сделает своей душеприказчицей и которая посвятит себя изданию его творческого наследия. Шокен обеспечивал Агнона зарплатой и в минуту нужды никогда не отказывал в единовременном пособии. Неудивительно, что Агنون чувствовал себя обязанным Шокену (это явствует из их переписки) и старался оказывать ему всяческие услуги: помогал покупать редкие книги для библиотеки Шокена, сначала в Германии, а потом в Палестине, откуда посылал Шокену также каталоги местных издательств и местную периодику, снабжал патрона библиографическими сводками и описаниями.

Итак, Агنون живет в Иерусалиме и пишет и публикует в газетах и журналах рассказы и повести. Когда он сообщил Шокену, что работает над романом «Дочь на выданье» (*Ахнасат кала*), Шокен решил, что пришла пора издать собрание сочинений Агнона в четырех томах и предъявить читателям новинку – первый роман писателя – как один из томов собрания. Работа над подготовкой четырехтомника длилась несколько лет и побудила Агнона отредактировать и даже переписать заново многие свои вещи. Писатель также объединял рассказы в циклы и распределял их по томам. Эстер считала, что издание собрания сочинений мужа позволит ему расстаться наконец с произведениями прошлых лет и взяться за новые.

К 1930 году сложилась следующая ситуация: Шокен жил в Цвикау, стараясь ежегодно бывать в Иерусалиме, типография его издательства находилась в Лейпциге, Агنون жил в Иерусалиме. Посылка рукописей и их обсуждение велись с помощью почты. Однако когда в типографии приступили к набору текстов и подготовке макета издания, Агنون заявил, что должен сам вычитать всю корректуру и внести необходимые правки, поэтому 23 февраля 1930 года Агنون сел на поезд, направлявшийся в Порт-Саид, Египет, чтобы сушей и морем, пересекая страны и континенты, 4 марта прибыть в Халле. Агنون жил в Лейпциге в доме своего брата Аншеля, бывая также у сестры Дворы. По 8–10, а то и более часов кряду он вычитывал набор, не в силах удержаться, чтобы не внести еще какие-то изменения в свой текст. С Шокеном он почти не виделся и очень уставал, если судить по его подробным отчетам жене. Когда же участие Агнона в работе над собранием завершилось, он отправился в Польшу, чтобы побывать на родине, навестить могилы родителей и предков, повидать людей, окружавших его в детстве и юности.

10 августа 1930 года Агنون пишет жене: «Сегодня в полночь, если будет на то Божья воля, я отправлюсь в Бучач. <...> Я пробуду там неделю, возможно, дней десять. Оттуда съезжу еще в пять-шесть городов, а потом на два-три дня в Германию, специально к г-ну Шокену, а потом, если будет на то Божья воля, – в Страну Израиля»². 8 сентября Агنون уже снова был в Германии.

Агنون застал родину в безотрадном состоянии: «То, что я увидел в Галиции, трудно описать в письме. Нищета великая. Я изо всех сил старался не снимать с себя одежду, чтобы не отдать ее местным беднякам».

²Ш.-Й. Агنون. Дорогая Эстерляйн, письма 1924–1931 (Эстерляйн йекирати). Иерусалим–Тель-Авив: Изд. Шокена, 1983. С. 255 (иврит).

Поездка в Польшу, длившаяся меньше месяца, послужила материалом для романа «Путник, зашедший переночевать» (*Oreax nata lalun*), который вышел в 1939 году. Биограф Агнона Дан Лаор пишет: «В начале февраля 1938 года Агنون неожиданно для себя – без предварительного плана – начал писать новый роман. День за днем, с утра до вечера, а порой и ночью, до полного физического и душевного изнеможения – иногда клал холодный компресс на уставшую от письма руку, – Агنون изливал на бумагу историю сентиментального путешествия в родные края, в Польшу, летом 1930 года»³.

Жена с детьми гостили тогда у ее родни в Цинциннати, США, и Агنون работал не разгибая спины, отвлекаясь лишь на чтение газет, которые приносили тяжелые вести. В Палестине евреи страдали от арабского террора – так называемые «беспорядки 1936–1939 годов», и еврейские организации спорили о том, как им на них реагировать. В Польше пыльным цветом цвел антисемитизм, в Германии жизнь евреев трагически менялась под властью Гитлера. В таких опасных для евреев обстоятельствах Агنون пишет роман о разорении родного Бучача, произведенном Первой мировой войной, и о бедствиях, постигших в ту пору бучачских евреев.

Роман «Путник, зашедший переночевать» публиковался изо дня в день, начиная с исхода Суккота (1938) и до будних дней Песаха (1939), на четвертой странице газеты «Га-Арец», в 1935 году приобретенной Шоконом. Газета указала время действия романа – «5689/5690» по еврейскому счету времени от Сотворения мира, то есть как раз в тот год, когда писатель ездил в Польшу. Публикация заняла 139 номеров и принципиальным образом расширила читательскую аудиторию Агнона. Важно отметить, что в тех же номерах газеты сообщалось о нападениях арабов на еврейские автобусы и поселки в Стране Израиля, печатались имена жертв, а сообщения из-за рубежа отражали ситуацию в Европе, и выходило, что события романа очевидным образом перекликались с тем, что переживали его читатели.

На специфику произведений Агнона указывал его друг и почти земляк, уроженец Коломыи, еврейский мудрец, географ и картограф Авраам-Яков Бравер: «Агنون писал для своих современников, причем не для всех, а для тех, кто, подобно ему, воспитывался согласно Торе и традиции. Лишь такие читатели поймут отношения между его персонажами, язык и стиль писателя, его намеки. И был случай, когда старый раввин из прошлого поколения, который сроду не держал в руках художественной литературы и, однако, занимал раввинский пост в большом городе Западной Европы и был знаком с новыми веяниями, так этот вот раввин, страдая бессонницей, начал читать "Дочь на выданье" и не отрываясь прочел всю книгу до конца. Но если бы вы предложили этому раввину одно из лучших произведений европейской литературы, он был бы не в состоянии прочесть в нем больше нескольких страниц, даже в бессонницу»⁴.

³Д. Лаор. Жизнь Агнона, биография (Хаей Агنون). Иерусалим–Тель-Авив: Изд. Шокена, 1998. С. 300 (иврит).

⁴А. Я. Бравер. О необходимости исторических и географических предисловий к произведениям Агнона // Йовель шай (Дар к юбилею). Рамат-Ган: Университет Бар-Илан, 1958. С. 36.

Название романа заимствовано из Книги пророка Иеремии: «Надежда Израиля, Спаситель его во время скорби! Для чего Ты – как чужой на этой земле, как путник, зашедший переночевать?» Однако Агнону при прямом цитировании Писания, как правило, важно, чтобы мы вспомнили предшествующий и последующие стихи. Так получаем:

Хотя беззакония наши свидетельствуют против нас, но Ты, Господи, твори с нами ради имени Твоего; отступничество наше велико, согрешили мы пред Тобою. Надежда Израиля, Спаситель его во время скорби! Для чего Ты – как чужой на этой земле, как путник, зашедший переночевать? Для чего Ты – как человек изумленный, как сильный, не имеющий силы спасти? И однако же Ты, Господи, посреди нас, и Твое Имя наречено над нами; не оставляй нас (Иеремия, 14:7–9).

Этот фрагмент отражает взгляд еврейской традиции на бедствия народа: они приходят, когда народ нарушает условия своего договора с Всевышним, нарушает заповеди. Ставший повсеместным с конца XIX века уход евреев от религии и еврейского образа жизни, определенного Письменной и Устной Торой, по мнению Агнона, навлек на нас ужасы Первой мировой войны и послевоенных лет. Народу необходимо вернуться к вере и соблюдению религиозных законов. Этот главный смысл романа витает над его текстом метафизическим облаком, тогда как сюжет вполне определяется вынесенными в название словами, ведь герой-рассказчик и в самом деле собирался пробыть в Шибуше совсем недолго. Подобным образом выстраивается комментарий, называемый *драш*, который «располагается» над буквально понимаемым смыслом Торы, который называется *пшат*.

Агнон и сам учит нас, что картина мира не исчерпывается тем материальным, что человек воспринимает органами чувств, однако делает это в присущей ему иронично-юмористической манере:

«Этот Ханох – мозги у него слабые, он не улавливает ничего, что выше его ермолки. Но, несмотря на это, я порой беседую с ним даже о вещах всемирного значения и объясняю ему их. А если он не понимает, я пытаюсь растолковать ему на примере. Но он и тогда не все понимает, потому что для такого рода вещей требуется немного воображения» (гл. 28).

Так Агнон приглашает читателя искать в его книге высшие смыслы, проникать в то метафизическое облако, о котором я пишу выше.

Проза этого уникального мастера представляет собой многоуровневую систему, и на каждом уровне выстраивается своя обоснованная и убедительная интерпретация, как правило, не одна. Обычное литературное прочтение, не использующее материал еврейских религиозных сочинений, не менее дорого автору, и он сам говорит об этом, правда, не без лукавства: «Нет человека, более подходящего для такой беседы, как Ханох. Но с ним нужно быть настороже и не заноситься, не то он, увидев, как много ты знаешь, тотчас возомнит тебя пророком».

Действие романа разворачивается в Шибуше (выдуманный Агноном топоним, указывающий на его родной Бучач) и охватывает почти год, начиная с кануна Судного дня (Йом Кипур), когда герой-рассказчик прибывает в город, и кончая кануном Новолетия (Рош а-Шана), когда он возвращается в Иерусалим, к жене и детям. Агнон вывел в романе образ автобиографического рассказчика, такого же, как тот, что со всей полнотой предстал читателям в загадочной «Книге деяний» (*Сефер а-маасим*), цикле коротких рассказов, созданных в начале и середине тридцатых годов.⁵ Как и в «Книге деяний», повествователь в романе «Путник, зашедший переночевать» – это уроженец Бучача, живущий ныне в Стране Израиля, ивритский писатель, чьи биографические обстоятельства органично вплетены в ткань художественного вымысла. Однако повествование не всегда ведется от первого лица, и вместо привычного «я» появляется отстраненное «тот человек». Это – не придумка Агнона, а повествовательный прием, которым пользуются Талмуд и книга «Зогар», то есть те два корпуса еврейской традиции, что служили Агнону постоянным источником идей, ассоциаций и языковых моделей.

Город Шибуш возникает в разных произведениях писателя. Его название записывается на иврите почти теми же буквами, что и Бучач, однако это не простой набор звуков: на иврите слово *шибуш* означает «деформация», «деструкция», состояние, подобное тому, о котором Лев Толстой сказал: «Все смешалось»⁶. Благодаря настойчивому появлению этого топонима в разных произведениях Агнона создается впечатление, что все они – звенья единой литературной летописи города, составленной в разные эпохи и с разных точек зрения. Не оттого ли среди упомянутых в романе обитателей Шибуша – персонажи более ранних произведений Агнона, например Гартман из рассказа «Иной облик» (1932) или Блюма Нахт из повести «Простая история» (1935). Более того, несколько глав романа посвящено доктору Мильху, герою тогда еще не опубликованного рассказа «Врач и изгнанная им жена» (1941)⁷, причем здесь мы узнаём о нем гораздо больше, чем из рассказа.

Герой романа, как и его создатель, покинул Бучач ради мифологической Страны Израиля, тоска по которой две тысячи лет жила в еврейских сердцах. К этому поступку его подготовило домашнее воспитание в глубоко религиозной семье, ибо традиция не только наделяет Эрец-Исраэль волшебными чертами, но и говорит о том, что всякий еврей обязан там жить. Оттого, приехав в Шибуш, герой постоянно восхваляет Страну Израиля, хотя не опровергает известных горожанам фактов,

⁵ См. об этом цикле мою статью «Обида и замешательство верующего еврея» // Иерусалимский журнал, № 10, 2002, и на сайте:

<http://rjews.net/zoaya-kopelman/articles/obida.html>

⁶ Гематрия слова «шибуш» равна 608, что на 5 меньше 613-ти, то есть общего числа еврейских заповедей. Традиция учит, что из Десяти заповедей, начертанных Всевышним на Скрижалях Завета, первые пять постулируют отношения между евреем и Богом, а вторые пять – отношения между людьми. В городе Шибуше, похоже, забыли о Боге, и пять заповедей выпали из употребления и из численного значения топонима, что исказило (на иврите – *шибеиш*) образ жизни и облик его еврейских обитателей.

⁷ Рассказ был дважды переведен на русский язык: «Врач и изгнанная им жена», пер. З. Копельман.

Иерусалимский журнал, № 47, 2013. <http://magazines.russ.ru/ier/2013/47/8a.html>, а также: «Развод доктора», пер. Р. Нудельмана и А. Фурман. В кн.: «Под знаком рыб». М.: Книжники, 2014, с. 9-47.

свидетельствующих о погромах, болезнях и прочих тамошних трудностях. На решение героя и автора переселиться в Палестину повлияла также деятельность сионистов Бучача, активно агитировавших за воплощение национальных чаяний, читавших и распространявших сионистскую прессу и продававших марки для выкупа земли под еврейские поселения (в романе Агнон не без иронии пишет о прошлом и настоящем сионистского клуба в Бучаче, знакомого читателям по его повести «Простая история»). Так или иначе, но Шмуэль-Йосеф Чачкес (фамилию Агнон писатель возьмет лишь в двадцатых годах), старший из пятерых детей в семье, отправился в Землю обетованную.

Очевидно, что никакая реальность, даже самая благополучная, не совпадает с мифом. Экономические трудности и непривычный климат мучили молодого Агнона не столь сильно, как проблема личной идентичности. Сионисты и ивритские писатели в его окружении были как правило нерелигиозными, а ультраортодоксы Иерусалима, к которым Агнона тянуло, отталкивали своей нетерпимостью и полным неприятием сионистского подвижничества и художественной литературы, которой он решил посвятить жизнь. Правда, и сам Чачкес в то время отошел от религиозной обрядности, но, когда в 1924 году в Германии его постигло несчастье: пожар в занимаемом им доме уничтожил черновики, готовые к печати рукописи и старательно собираемую библиотеку еврейских книг, – он воспринял это как наказание за то, что покинул Святую землю. С этим чувством Агнон вернулся в Страну Израиля и в лоно религиозного уклада. Он надеялся, что исполнение заповедей придаст ему сил в нескончаемой внутренней полемике с Создателем по поводу национальной судьбы. При этом Агнон не мог ностальгически не думать о том, что в Бучаче своего детства он был частицей более правильного еврейского бытия, о чем проникновенно, хоть и не без иронии, рассказал в повести «Простая история».

Однако простые схемы не приближают человека к пониманию того, как на Небесах оцениваются его поступки. И в Стране Израиля писателя ждали новые испытания. В 1927 году пострадало от землетрясения временное жилье Агнона, а в 1929-м, во время арабского мятежа, он пережил полный разгром своего дома в Тальпиоте, и только чудом никто из семьи не пострадал. Тягостные размышления мучили писателя: отказавшись от налаженной жизни в Бучаче ради воплощения мечты и религиозного императива, он на себе ощущал справедливость сказанного мудрецами Талмуда: «Эрец-Исраэль приобретается в мучениях» (*Брахот*, 5а).

Поездка на родину в 1930 году не только убедила Агнона в собственной значимости как писателя (письма к жене и к Залману Шокену свидетельствуют, что в Бучаче и во Львове его буквально носили на руках), но и показала, что евреи и там не знали покоя. Выбор между родной Галицией и Страной Израиля, или Эрец-Исраэль, всю жизнь был для писателя источником сложнейшего внутреннего конфликта. Этот выбор задал одну из тем первого опубликованного по приезду в Яффу рассказа «Разлученные» (*Агунот*, 1909), и проблема этого выбора так или иначе возникает в большинстве произведений Агнона.

В романе «Путник, зашедший переночевать», вопрос о том, где правильнее жить еврею – там, где веками жили его предки, то есть в диаспоре, или там, куда зовут старинные предания и народная мечта, то есть на Земле Израиля, – служит лейтмотивом повествования. Герой романа не нашел для себя практического пути в ожесточившейся на евреев действительности и потому вернулся в мир воображения, которое, как сам он некогда объяснял Ханоху, поддерживает существование человека, твари и даже его, Ханоха, телеги.

Герой вернулся в Иерусалим, к своему писательскому ремеслу и к миру идей, который я назвала национальной мифологией. Отвлекаясь порой от сочинительства, он вспоминает о насущности Избавления и прислушивается, не идут ли уже в Страну Израиля синагоги и дома учения диаспоры, как обещано еврейской традицией и как непременно должно случиться с приходом Машиаха.

Зоя Копельман, Иерусалим